

**ДМИТРИЙ
АРЕФЬЕВ**

П Т С Р 12+

Дмитрий Арефьев

ПТСР

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51361868

SelfPub; 2020

Аннотация

Главный герой Филипп Филиппович вот уже более 20 лет находится в пансионате для психически больных. Несмотря на это, он хранит надежду, что его сын рано или поздно придёт за ним. Сколько ещё придётся терпеть невыносимые условия пребывания в неволе? И почему его сын до сих пор не пришёл?

Глядя на человека, лишённого свободы передвижения, мы можем лишь отчасти представить, насколько ему тяжело. Он не парализован и имеет все здоровые части тела, но при этом должен коротать время на десяти квадратных метрах стерильной комнаты. На бесчисленное количество дней, которые превратились в бесчисленное количество лет, он стал заложником белой коробки без окон. Односпальная заправленная кровать у стены, рядом пахнущая лекарствами тумбочка без острых углов, напротив круглый стол, на котором одиноко стоит пластмассовая кружка. Представили? А теперь представьте, что единственная дверь в комнате открывается один раз в день, впуская внутрь загорелого от летнего солнца упитанного санитаря, который не уходит пока не убедится, что пациент проглотил все необходимые таблетки. Затем он заставит выпить ещё один стакан воды, после чего, наконец, удалится, закрыв за собой дверь на последующие двадцать четыре часа. Он – пациент не будет питать надежд на изменение угнетающего распорядка дня. Как и тысячи дней до этого он будет тщетно вспоминать причину, по которой оказался взаперти. Он – заложник времени и пространства, обречённый жить без возможности видеть солнечный свет. Он – жертва обстоятельств. Он – Удельнов Филипп Филиппович, 1959 года рождения, уроженец с. Сосновое Ардатовского района Мордовской АССР. Так было написано в его медицинской карте.

Он видел, как молодая медсестра размашистым почерком заполняла бланк с его фотографией. Затем она подняла голову и что-то сказала. Может быть, она хотела уточнить личные данные или пояснила дальнейшие действия? Филипп Филиппович этого не знал, как и не знал, зачем он стоит у окна регистратуры районной больницы. Длинная очередь начинает лениво выражать недовольство. Время медленно вращает стрелки часов, а медсестра протягивает заполненный бланк и указывает на дверь, не подозревая, что вершит тем самым судьбу человека. Рядом кто-то крепко держит его за локоть. Кто он? Зачем привёл сюда? Где его сын? Филипп Филиппович смотрит прямо в лицо незнакомцу, образ которого растворяется, словно в тумане. Вот так же растворилась и его прошлая жизнь. Это всё, что он мог вспомнить.

Лёжа на белоснежной кровати, Филипп Филиппович смотрел в не менее белый потолок, который за долгое время должен был обрасти кружевами паутины, но был чист. Как и пол, и стены, и стол и всё вокруг. Что за невидимый уборщик и когда он приходит, Филипп Филиппович не знал. Со временем это перестало его волновать.

В комнате не было часов. Впрочем они были не нужны для того чтобы почувствовать – настал тот долгожданный день. День, когда дверь откроется не только для санитаров с привычным набором лекарств, но и для посетителей.

«Наконец-то! Как долго я тебя ждал!» – подумал Филипп

Филиппович, опуская босые ноги на прохладный пол. – «Сегодня ты меня обязательно услышишь!»

На платформах городского автовокзала было многолюдно. Старые автобусы едва справлялись с потоком пассажиров, и бывало, что от перегруза уставшие моторы подводили прямо в дороге. Ровно в восемь ноль-ноль до полудня к ярко разукрашенной остановке, пыхтя от напряжения, подкатил один из таких автобусов. Скрипя дверьми, ПАЗик выпустил наружу измученных пассажиров, которые немедленно разошлись по своим делам. Был четверг – рыночный день, поэтому значительная часть людской массы направилась на соседнюю улицу, где с самого утра одна за другой распустились торговые палатки. От толпы незаметно отделился невысокий молодой человек с дорожной сумкой на плече. Его не интересовала новая одежда и изобилие привезённых на рынок продуктов. В карманах его штанов не было билетов в кино или театр, а в голове не возникало мысли провести выходной в компании пьяных друзей. Такого трудно было представить среди ночующих в подъезде алкоголиков или увидеть за решёткой в КПЗ. Небогато одет, но чист и опрятен. Уверенной походкой он подошёл к стоящему на парковке автомобилю с шашкой на крыше.

– Шеф, свободен?

– Куда тебе? – ответил усатый водитель, смакуя сигарету.

– До Анаевского.

– Рублей сто будет.

– Хорошо, – согласился молодой человек и разместил сумку на заднем сидении автомобиля.

Со временем Филипп Филиппович научился справляться с томительным чувством ожидания. Если поначалу он ёрзал на стуле или ходил из угла в угол, считая про себя секунды, минуты, то теперь он мог спокойно принять естественный ход времени перед долгожданной встречей с сыном. Человек может привыкнуть ко всему. Главное – суметь правильно принять ограничения. У Филиппа Филипповича были в запасе годы, чтобы влиться в скучный режим содержания больных. Пациент, душевнобольной, псих, умалишённый – термин, который Филипп Филиппович никогда бы не применил к себе. Что случилось? Почему он здесь? Почему собственные дети не могут забрать его домой? Он уже позабыл тот день, когда стал заложником белоснежной комнаты. Мир за её стенами казался настолько далёким и недостижимым, что он уже начинал искренне верить – его просто нет. Существуют только эти четыре стены и дверь. Кто решил оставить его взаперти?

«Я должен выбраться из этой тюрьмы. Придёт мой сын и вытащит меня! На этот раз всё будет по-другому».

В 1984-ом тогда ещё молодой инженер строитель Филипп Удельнов, которому посчастливилось внести свою лепту в «золотую» стыковку восточного и западного направлений Байкало-Амурской Магистрали, и подумать не мог, какие перемены ожидают его в будущем. После окончания срочной службы в армии он остался работать в далёкой холодной Сибири. Как и большинство советских людей, Филипп был озадачен покупкой автомобиля, мебели и новой бытовой техники, которая потоком хлынула из западных стран. В погоне за заработком он совсем позабыл о своих родных, оставшихся на малой родине, и приезжал домой всё реже. Зимой 84-ого он получил срочную телеграмму из Мордовии, которая сообщила о смерти отца. Позабыв о своей мечте и деньгах, ближайшим рейсом Филипп вылетел в Москву, откуда сел на поезд до Саранска.

Раздался лязг старых петель, но дверь не открылась. Дверные петли скрипят иначе. Филипп Филиппович мог узнать этот звук, разбуди его хоть среди ночи. Принесли завтрак. Сквозь маленькое дверное окно кто-то просунул поднос с пластиковой тарелкой и чашкой чая. Тоже пластиковой. Погрузившись в воспоминания, Филипп Филиппович взял пластмассовую ложку и опустил её в клейкую массу.

Он не чувствовал вкуса, как не чувствовал голода. Еда была настолько странной, что казалось, будто она вовсе не настоящая. А может, её действительно нет? Безвкусный чай. Как всегда. «Ешь, если не хочешь умереть», – командовал внутренний голос. И он ел. Не потому что хотел. Потому что так надо. Кому-то надо.

Филипп Филиппович по привычке оставил поднос с пустой тарелкой на столе. Допивая чай, он вдруг стал проверять карманы халата и трико.

«Где же ты? Куда подевался?»

Наклонившись, заглянул под кровать – пусто. Даже пыли нет. Чистота. Снова невидимый уборщик. А кто же ещё?

«Ау, малыши!»

Озираясь по сторонам, шаркающей походкой он подошёл к тумбочке, открыл дверцу и медленно растянулся в улыбке.

«Вот ты где! Тут спрятался? Ну всё, давай выходи».

Он взял «малыша» в руки и с опаской уставился на дверь.

«ОНО уже там. ОНО уже близко».

Словно снежный ком, в груди нарастало чувство неминуемого страха и ужаса, который придётся испытать снова. Каждый раз в одно и то же время. Каждый день.

«Спокойно, малыши. Я не дам тебя в обиду».

Март 87-ого. Жена Марина сообщила о беременности. Как можно не радоваться появлению первенца?

– Мальчик, – развеяла сомнения врач-акушер, – то есть, мальчики. Поздравляю, у вас будет двойня!

В тяжёлые времена перестройки и тотального дефицита в семье Удельновых и мысли не возникало о том, насколько тяжело будет растить двоих детей. Они так же не знали, что в скором будущем не будет страны, в которой они живут, а пустые торговые прилавки станут нормой в продовольственных магазинах. Девальвация уничтожит все накопленные деньги, превратив их в цветные бумажки-игрушки для детей. Из-за безработицы Филипп будет вынужден браться за всё, что попадётся, лишь бы прокормить семью, а Марина займёт привычку варить гороховый постный суп. Мясо по праздникам. Ничего этого Удельновы, конечно же, не знали и были по-настоящему рады появлению малышей.

– Справимся, – заверил супругу Филипп. – Всё будет хорошо.

Так на свет появились близнецы.

Такси медленно въехало во двор, остановившись перед закрытым шлагбаумом.

– На месте, – буркнул водитель. – Сто пятьдесят рублей!

Расплатившись, человек вышел из машины и жестом поприветствовал пожилого охранника. Улыбнувшись в ответ, тот радостно воскликнул:

– Здравствуй, Леонид! Давно тебя не было! Проходи, проходи! Рад тебя видеть.

– Привет, Михаил Евгеньевич, – улыбнулся в ответ Леонид. – Как семья? Внуки уже поди в школу пошли?

– Да. Старший в первый класс в этом году, а младший только на следующий. Давно тебя не было. Хорошо, что приехал. А у нас всё по-старому. Всё так же. А как же ещё? Ну, а ты? Так же в деревне?

– Так же, – кивнул Леонид.

– Не женат ещё?

– Нет. Так и обитаю в дедовском доме.

– Нашёл бы уже кого-нибудь, Лёнь, – с надеждой в голосе вдруг посоветовал пожилой охранник. – Молодой парень, а жизнь свою под откос пускаешь.

– Вот вытащу отца отсюда, а там посмотрим, – ответил Леонид.

Михаил Евгеньевич совсем не заметил, как покинул пост и отправился провожать гостя до входной двери. К счастью, вовремя послышался сигнал служебной машины у шлагбаума, и Михаил, схватившись за голову, поспешил обратно.

– Ух ты, мать моя! Извини, я побежал!

– Ничего, – похлопал по плечу Леонид. – Бегите быстрее, а то с работы выгонят.

Перед ним возникли кованые решётки ворот, через которые уже можно было беспрепятственно пройти. Поправив сумку на плече, он открыл расписанную металлическими узорами дверь и вошёл. Позади осталась выцветшая табличка с надписью «Анаевский психоневрологический интер-

нат».

– Здравствуйте, – поприветствовала медсестра в окошке регистратуры.

В фойе было немногочленно, точнее сказать, вообще никого не было. С момента последнего визита прошло около года, но обстановка не изменилась. Казалось, даже паутина в углу осталась не потревоженной.

– Давно не появлялись, – подметила девушка, заполняя бланк посещения.

– Дела, – сухо ответил Леонид. – Как он?

– Как и раньше. Вы созванивались с Комаровым?

– Да. Он должен ждать меня.

Медсестра отложила заполненный бланк в сторону и вернула паспорт.

– Как обычно? – спросила она, указав на забитую под завязку спортивную сумку.

Кивнув в ответ, он поставил её на стол досмотра и расстегнул молнию.

– Я привёз больше тёплых вещей, – пояснил Леонид, демонстрируя содержимое сумки. – Так же тут все необходимые медикаменты по списку Комарова и, конечно, деревенских гостинцев для вас.

– Ну что вы, – покраснела девушка, – не нужно было.

Леонид достал несколько банок варенья со словами:

– Всё натуральное. Сам делаю. Кушайте на здоровье. Кто знает, когда в следующий раз приеду. Серёже привет пере-

дайте. Как, кстати, он? Уже встал на ноги?

– Встал, – ответила медсестра. – Часто вас вспоминает. Говорит, как приедет, пусть зайдёт.

– Зайду, – с грустной улыбкой проговорил Леонид. – Ну, я пошёл? Он точно у себя?

– Да, с утра здесь. Как пройти, вы знаете.

Дверь с надписью «Комаров Николай Александрович» находилась на третьем этаже. Опустив голову, парень пошёл по лестнице, несмотря на наличие лифта. Он не любил лифты. Будь Комаров хоть на десятом этаже, Леонид предпочёл бы лестницу.

– По коридору направо, – совершенно без надобности крикнула ему в спину медсестра.

«Я не дам тебя в обиду».

Крепко прижав к груди что-то мягкое и ценное, Филипп Филиппович сидел на кровати в ожидании того, что обязательно произойдёт. Всегда происходит. Предстоящий ужас затаился в сердце, но ещё не показал своего лица. Вот-вот начнётся, и тогда вновь придётся несколько долгих минут испытывать судьбу на прочность.

«А вдруг дверь не выдержит, что тогда?»

Этот вопрос тысячу раз возникал в голове и тысячу раз он оставался без ответа. Тысячу раз до этого хлипкая фанерная дверь становилась вдруг непреступной стеной меж-

ду тонкой гранью галлюцинации и реальности.

«Это всё неправда! Это иллюзия!»

Настороженный взгляд снова упёрся в дверь, которая, казалось, с каждой минутой превращалась в нечто нерушимое и твёрдое – спасительный заслон.

«ОНО скоро придёт. Ты только не бойся, малыш!»

В 1994-ом после многократных неудачных попыток устроиться на работу Филипп ухватился за внезапно освободившуюся вакансию дорожного мастера на железнодорожной городской станции. Прежний работник погиб.

– Под поезд попал, – в лоб заявил директор станции. – Лопать меньше надо было. Жив бы остался! Завтра выходи с утра.

Следующие несколько месяцев Филипп занимался установкой переносных сигналов, сигнальных знаков, следил за состоянием тормозных башмаков. Спиртного он не употреблял, поэтому влиться в коллектив оказалось не так-то просто. Тем не менее, против немногословного ответственного работника никто не имел ничего против. Дома ждали весёлые сынишки, которые по приходу отца с работы радостно прыгали к нему на шею с криками:

– Папа, папа! Ты привёз нам маленький поезд? Привёз?

– Какой маленький поезд? – в недоумении отвечал отец.

– Ну, мама сказала, что привезёшь нам маленький поезд.

Ты привёз?

Марина растерянно пожимала плечами, стоя в углу прихожей.

– Ах да, поезд, – отвечал Филипп, чтобы не расстроить детишек. – Я забыл его на работе. Завтра обязательно привезу.

– Ура-ура! – закричали мальчишки. – У нас будет маленький поезд!

На следующий день, вопреки недовольству супруги, у малышей появилась игрушечная железная дорога.

– Сколько же это стоит? – растерянно спросила Марина. – У нас кушать нечего, а ты?

Филипп не стал спорить с любимой. Он крепко обнял её и нежно прошептал на ухо заветные слова:

– Справимся. Всё будет хорошо.

– Я вас понимаю, но и вы войдите в наше положение. Мы не можем ничего гарантировать. Это же живой человек. Невозможно спрогнозировать то, насколько эффективными окажутся препараты.

Николай Александрович всплеснул руками, будто стряхивая с них капли воды.

– Я потратил на них все свои деньги, – пояснил Леонид. – Из последнего списка я мог привезти только несколько ампул. На большее, к сожалению, не хватает средств.

– Леонид Филиппович, – обратился Комаров (в тоне слышалась заботливые нотки), – мы же не первый год знакомы. Я помню ещё те времена, когда сюда приходила ваша покойная мама, царствие ей небесное. За всё время мы не сдвинулись ни на шаг. Ему не становится лучше. Да и возраст уже не тот, чтобы ожидать перемен. Отпустите его. Оставьте эти попытки.

Кабинет директора не претерпевал значительных изменений вот уже несколько лет. Человеку, выходящему из города, который привык видеть на улице красивые импортные автомобили, а на выходных проводить время в дорогих ресторанах и клубах, было бы, по меньшей мере, неожиданностью увидеть на офисном столе дисковый телефон производства СССР. Но Леонид и не был таким. Его не удивляла старая добротная мебель, пожелтевший календарь-численник на стене и выкрашенный кистью квадратный сейф в углу кабинета. Под столом громко шумел старый «системник», а издававший виды пиджак Николая Александровича говорил сам за себя.

– Прошло столько лет, Леонид, – продолжал настаивать Комаров. – Прекратите покупать эти дорогостоящие препараты. Они уже не помогут. Будьте реалистом.

– Может, вы и правы, – осёкся Леонид, на мгновение допустив страшную мысль, которая не давал ему спать. – Но может быть, есть какой-нибудь другой способ? Неужели всё так критично.

Николай Александрович застегнул пуговицу пиджака и встал со стула. Он молча открыл дверцу шкафа, достал оттуда толстую папку-скоросшиватель с порядковым номером 1996.

– Сколько лет он здесь? – как бы невзначай спросил Комаров.

Леонид не долго думал над ответом.

– Двадцать шесть лет и три месяца.

– Надо же, – удивился Николай Александрович.

– И четыре дня, – тихо добавил Леонид.

– Вот, нашёл, – констатировал Комаров, положив раскрытую папку на стол. Так-так, Удельнов, так, 59-го года. А, вот первоначальный диагноз – ПТСР, далее – травматический невроз. Я уже объяснял вам, если помните, особенности этих заболеваний. Посттравматическое стрессовое расстройство – это серьёзное нарушение психической деятельности, результат единоразового травмирующего воздействия на психику. Симптомы могут сохраняться в течение длительного времени. Иногда на долгие годы. Случай с Филиппом Филипповичем довольно уникальный. Нам не приходилось сталкиваться с таким, поэтому я не могу ничего прогнозировать. Вы сами прекрасно понимаете, то, что произошло с вашим отцом – просто ужасно.

Он запустил руку в карман, но не найдя там того, что искал, продолжил мысль:

– Когда человек переживает сильнейшие потрясения, он

может серьёзно измениться. Навсегда. Так и произошло с вашим отцом. Мозг человека, знаете ли, до конца ещё не изучен. Наука не может дать определение мысли и истолковать природу её появления. Мы, словно слепые котята, тыкаемся носом и познаём мир, опираясь на собственные знания, которых недостаточно. Я был рад помочь вам, правда, но я не знаю, как. Я не знаю методик, способных вернуть Филиппа Филипповича в прежнее состояние. И мне не стыдно об этом заявлять.

– Он прошёл курс лечения препаратами, которые я привозил в прошлый раз? – вежливо спросил Леонид.

– Да, – подтвердил директор и, глубоко вздохнув, добавил:

– Никаких изменений мозговой деятельности мы не наблюдаем. Продолжаем колоть обезболивающие. Сам знаешь, без них он никуда.

– Как думаете, ему станет лучше?

Николай Александрович с жалостью посмотрел на Леонида, как смотрел десятки раз до этого, но так и не находил положительного ответа на его вопрос.

– Лёня, ты прости. Выражу свою мысль. Думаю, она верная. Отца нужно оставить. Давно пора налаживать свою личную жизнь.

За дверью вдруг послышались шаги. Филипп Филиппович

напрягся. Да, он ждал, когда, наконец, к нему придут, но тем не менее это не придало ему сил совладать с собой.

«Не бойся малыши, всё будет хорошо».

Шаги приближались, а вместе с ними и страх.

«Вот ОНО и пришло!»

Привыкнув к многолетнему режиму заключения, когда время приёма пищи и медикаментов находит отражение в биологических часах пациента, он волей-неволей начинает бояться даже самых незначительных изменений. Но к этому гостю привыкнуть было нельзя.

– Кто там? – не выдержал Филипп Филиппович. – Я спрашиваю, кто там!?

Последние слова едва лишь сорвались с губ, как раздался сильный стук в дверь.

– Не бойся, малыши! Тебе ничто не угрожает! Слышишь меня, не бойся!

ОНО пыталось войти.

– Уйди! – завопил Филипп Филиппович, забившись в угол.

Словно отравляющий газ, комнату стал заполнять серый дым, появившийся из-под двери.

Он спрятал «малыша» за пазуху и подобрал ноги под себя, крепко зажмурив глаза. Скрываться было просто некуда. Его окружали только белые стены.

БАХ!

ОНО идёт! Уже рядом! Скоро начнётся!

Филипп Филиппович затаил дыхание и в буквальном

смысле оцепенел от ужаса. Оставалось только ждать.

– Позвольте, я поясню вам ещё кое-что, – продолжил диалог Комаров. – Как я уже говорил, человеческий мозг весьма непредсказуемое творение. Какие игры он может затеять со своим хозяином – неизвестно. Порой, переживая очень сильные эмоциональные потрясения, мозг может создать альтернативную реальность.

– Что вы имеете в виду? – спросил Леонид.

– Знаете, у нас бывали пациенты, которые искали своих пропавших родственников и были искренне уверены, что они просто ушли из дома. На самом деле всё было по-другому. Вы, наверняка, помните Василия Никифорова.

– Конечно, – ответил Леонид. – Кстати, он ещё здесь?

– Нет, он скончался, – отрезал Николай Александрович. – Как вы помните, он искал свою собаку, которую очень сильно любил. Пёс практически заменил ему погибшего брата. Так вот, когда собака пропала, Василий бросился её искать, но в результате нашёл нас. Его привезли по вызову местных жителей. Бедняга так сильно расстроился, что пришлось применить смирительную рубашку.

– От чего он умер? – спросил Леонид.

– Да от правды умер, – пояснил Комаров. – Это же он пса прикончил. Лично прирезал его кухонным ножом в пьяном угаре, а когда протрезвел, его мозг просто не смог принять

смерть собаки от его же рук. Сам того не подозревая, Василий погрузился в альтернативный мир, созданный им же самим, где пёс не истекает кровью на полу, а просто пошёл погулять в лес и не вернулся. Человек не хочет переживать стресс заново и строит различные варианты защиты от него. Понимаешь? Василий так и искал бы свою собаку и жил бы здесь в нашем пансионате, но в его голове вдруг что-то щёлкнуло. Бац! И он всё вспомнил. Всё до мелочей. Привыкнув к фальшивой версии пропажи пса, ослабленная психика Василия была не в состоянии принять правду.

– К чему это всё? – в лоб спросил Леонид.

– К тому, что лучше оставить всё как есть! Пока Филипп Филиппович в таком состоянии, он не испытывает никаких чувств. Терапия не даёт никаких результатов. Есть опасения, что если мы продолжим копать, то можем тем самым вернуть твоего отца в тот злополучный вечер.

– Вы хотите сказать, что он овощ? Думаете, он ничего не понимает?

Николай Александрович немного помолчал, затем вернулся к своему столу и медленно опустился на стул. Положив руки на толстую папку бумаг, он сказал следующее:

– Лёня, я не хочу тебя обидеть, но я гораздо дольше живу на свете и знаю, о чём говорю.

– Он не овощ, – уверенно заявил Леонид. – Не смейте так говорить.

– А я этого и не говорил. Я хочу сказать, что в нашем слу-

чае вылечить – не значит помочь. Представь, если вдруг он придёт в себя, то вновь вспомнит те страшные события. Ты этого хочешь?

– Я хочу, чтобы он стал прежним, – ответил Леонид. – Я купил медикаменты, которые вы рекомендовали. Попробуем снова, пожалуйста. Если не поможет, то я хотел бы забрать его к себе.

– Прежним он никогда не будет, – холодно заявил Николай Александрович. – Я не хочу делать тебе больно, Лёня, но повторю, процессы, которым подвергся его мозг, необратимы. Я думаю, сейчас ему гораздо лучше, чем ты думаешь. Что он будет делать дома? Таким больным требуется тщательный уход. Двадцать четыре часа в сутки нужно быть рядом. В любой момент может случиться приступ. Что тогда? Ты сможешь самостоятельно сделать укол? Здесь кормят четыре раза в день. Прогулки на свежем воздухе и режим. Ты же не думаешь, что мы держим его взаперти?

Дерево трещало от тяжёлых ударов. Скрипучие ненадёжные петли готовы были вот-вот сорваться и впустить того, кто разразился животным криком по ту сторону двери:

– МИША! ОТКРОЙ!

Филипп Филиппович, млея от страха, боялся пошевелиться. Ему казалось, будто малейшее движение может

нарушить естественный ход времени и что-то изменить на этот раз.

– МИША, ТЫ МЕНЯ СЛЫШИШЬ!? ОТКРОЙ ДВЕРЬ!

Комнату заволокло едким дымом. Дышать становилось всё труднее. Было слышно, как трещат языки пламени. Они жадно подбирались к его кровати. Наверняка, как и тысячу раз до этого, уже нет половины комнаты. Её нещадно сожрал огонь. ОНО его принесло. ОНО хочет завершить дело и убить! Глаза закрыты.

«Ни в коем случае не шевелись! Если пойдёшь и вступишь ЕГО, ОНО поймает тебя! Убьёт!»

– МИШААА!!! – завопил ужасающий голос, взывающий подняться с места и подойти к двери. – ОТКРОЙ!!!

«Ни в коем случае не шевелиться!»

Кем-то навязанное нерушимое правило «Не шевелиться!». Тогда будет всё хорошо. Тогда ОНО уйдёт и оставит несчастного в покое. Тогда всё снова вернётся на свои места, а вокруг будут те же белые стены и заправленная постель. Филипп Филиппович знал это, но всё же не мог справиться со своим страхом. Он растворился в нём всецело, поддавшись естественному ходу событий.

«Сейчас всё пройдёт. Нужно только перетерпеть. Не бойся, малыш. Скоро должен прийти мой сын!»

Комаров достал из кармана пиджака бумажный платок и

промокнул им вспотевший лоб.

– Значит, я тебя не убедил, – с сожалением заключил он, – и ты всё равно хочешь забрать его?

– Да, – твёрдо ответил Леонид.

Николай Александрович отправил платок в урну и сказал.

– Что же, позволь проводить. Может быть, увидев его собственными глазами, ты передумаешь.

Путь к закрытому корпусу был печально знаком Леониду. Ему неоднократно приходилось спускаться по не видевшей ремонта лестнице, пройти около сотни метров по территории пансионата вдоль еловой посадки, затем повернуть направо и скрипом деревянных ступеней крыльца заставить слететь с дерева стаю воробьёв. Облезшая от старости фанерная дверь была в самом конце коридора. Незнающий человек счёл бы её входом в уборную или санитарную комнату, но палату Филиппа Филипповича знала здесь каждая собака.

– Должен кое о чём предупредить, – вдруг сказал Комаров, остановившись прямо перед дверью. – Прошло больше года с твоего последнего приезда...

– Вы же знаете, мне приходится уезжать на длительное время, чтобы заработать, – перебил его Леонид.

– Да-да, но я не об этом, – запнулся Николай Александрович. – Я хотел сказать, что время, оно не щадит никого. Особенно это заметно у людей, которые находятся в таком же положении, как и Филипп Филиппович.

– Открывайте. Я должен его видеть, – настоял Леонид.

Николай Александрович достал крупную связку ключей, по всей видимости, не только от всех палат закрытого корпуса, но и прочих хозяйственных построек. Раздался лязг механизма несмазанного дверного замка, после чего заскрипели ржавые петли. Палата Филиппа Филипповича ничем не отличалась от остальных: пошарпанные стены с кусками облезлой штукатурки и мутное стекло в оконной раме, через которое едва пробивался солнечный свет.

– Мы планируем делать ремонт, – попытался оправдаться Комаров, но предпочёл не продолжать тему.

В углу на выцветшем линолеуме стояла инвалидная коляска. Решёток не было. Ни к чему. Старик в инвалидном кресле был не в состоянии и пальцем пошевелить.

– Папа, я пришёл, – робко произнёс Леонид.

Человек может по-разному реагировать на шоковые ситуации. В зависимости от эмоционального и психического состояния у него могут возникнуть различные посттравматические симптомы. Иногда это проявляется в виде повышенной обеспокоенности и нервозности, непредсказуемой смены настроения. В других случаях эти симптомы перерастают в нечто большее. Человека начинают преследовать различные фобии, он перестаёт чувствовать себя в безопасности, живёт с постоянным ощущением страха и угрозы жизни.

Был ли Филипп Филиппович генетически предрасполо-

жен к возникновению посттравматического расстройства, или пережитое им было действительно за гранью восприимчивости его мозга, теперь уже не важно. На его месте мог оказаться каждый третий житель планеты, столкни его лицом к лицу с жестокими реалиями жизни, которые, как нам кажется, могут произойти с кем угодно, но не с нами.

В то время, когда горел пятый этаж его дома, Филипп Филиппович только заступил на ночное дежурство. Ничего не подозревая, он аккуратно заполнил журнал и поставил чайник, приготовив чашку для кофе. Обычная процедура, чтобы не дать организму спать на работе. В тот раз ему не суждено было сделать и глотка.

Когда побледневший Филипп Филиппович примчался к порогу собственного дома, во дворе которого орудовали три пожарных расчёта, он не смог принять увиденное и поверить в реальность происходящего.

– Где Марина? – словно в бреду закричал он. – Где она?

Несчастный замер на месте, когда увидел собственную жену, которую пытаются привести в чувство медики. Внизу! А кто остался в квартире?! В тот момент он ещё не знал, что Марина, оставив близнецов со своей матерью, отправилась в аптеку.

«Зачем ты сделала это?»

Кто знает, возможно, именно этот поход за медикаментами и спас ей жизнь.

Жадное пламя съело четыре первых этажа и приступило к

пятому. Из родного окна на высоте пятнадцати метров вдруг высунулся насмерть перепуганный мальчуган.

– ЛЁНЕЧКА!!!

Обезумевший отец бросился в огонь.

– Стой! Сторишь! – ударил в спину голос пожарного.

– Папа!!! – закричал мальчик, загнанный на подоконник яростным огнём.

Он свесил маленькую босую ножку, но тут же убрал её, не ощутив под собой опоры.

– Папа, спаси!!!

Громкий плач съедал Филиппа Филипповича пуще огня, в завесу которого он бросился с головой.

«Мои малыши! Они там! Господи, помоги мне добраться до них!»

На голову вдруг обрушились остатки деревянных перекрытий. Схватившись голыми руками за головешки, Филипп смог выбраться и преодолел ещё несколько пролётов. Лишившись рассудка от страха за жизнь родных людей, он совсем перестал чувствовать боль. Одержимый мыслью спасти близнецов, Филипп, наконец, добрался до нужной двери и из последних сил бросился на неё. Когда он сокрушался от невозможности снести дверь и попасть внутрь, он не знал, что его сынишку Лёню уже приняли пожарные, добравшиеся до окна по лестнице. Он продолжал разбивать расплавленную кожу кулаков в кровь, заливаясь внутриутробным криком, взывающим второго малыша к помощи:

– МИША, ОТКРОЙ! МИША, СЛЫШИШЬ? ОТКРОЙ ДВЕРЬ!!!

Пожар 1996 года на улице Октябрьской революции унёс жизни семнадцать человек, среди которых оказался один ребёнок. Местные жители были глубоко потрясены, узнав из газет, что причиной возникновения очага возгорания стал пьяный курильщик. Региональный канал трижды сообщил о трагедии, произошедшей в Ардатовском районе, и вскоре переключился на освещение других актуальных событий, которые тем или иным образом оказались более значимыми для республики. Со временем дальнейшая жизнь Удельновых, как и остальных пострадавших, стала никому не интересной. Время нещадно затягивало старые раны, которые продолжали кровоточить.

– Папа, это я, – робко проговорил Леонид, склонившись над дряхлым стариком в инвалидном кресле.

Его безжизненный взгляд недвижимых глаз растворился в страшных событиях прошлого. Обожжённая кожа лица стянулась, оставив извилистые шрамы на обеих щеках, а поседевшие губы едва заметно шевелились. В сером лице человека почти ничего не осталось от того молодого отца Филиппа Удельнова.

– Видишь, – сказал Николай Александрович, – лучше ему не стало. И вряд ли станет. Он такой же, как и год назад.

Человеческий мозг хоть и не изучен, но тут, по-моему, всё ясно без слов. Думаю, он вообще ничего не переживает. Он просто существует.

– Папа, это я, – не сдавался Леонид, тыкая в себя указательным пальцем. – Это я, твой сын! Ты помнишь меня?

Комаров не смог сдержать эмоций. Он отошёл в сторону, дабы не показывать мокрых глаз.

– Папа, ответь! Ты слышишь? Я остался совсем один. Не оставляй меня, отец!

В ответ молчание и ничего не выражающее осунувшееся чужое лицо. Блёклые зрачки чуть шевелились, не выдавая огромного эмоционального напряжения где-то там, глубоко внутри. Настолько глубоко, что под недвижной маской лица невозможно было разобрать крик о помощи: «Забери меня! Я не хочу больше оставаться в белой комнате! ОНО снова придёт!»

Старик так и остался неподвижно сидеть в кресле посреди требующей ремонта палаты.

– В прошлый раз он хотя бы узнавал меня, – обречённо произнёс Леонид.

Вытерев слезу, он добавил:

– Вы правы. Он совершенно ничего не чувствует.

– Я должен вам кое-что дать, – вспомнил Николай Александрович.

Он вдруг протянул ему плюшевого зайца и сказал:

– Знаешь, он не расставался с ним никогда. Все эти годы

зайчишка был с ним. Теперь он ему ни к чему. Возьми.

Леонид увидел знакомую детскую игрушку, с которой играл вместе с братом – близнецом. Еле сдерживаясь от нахлынувших чувств, он произнёс:

– Это Мишкин зайчик был. Нам папа на день рождения подарил. Ему, помню, красный, а мне – синий. Мой сгорел при пожаре. А этот, смотри-ка... А теперь никого нет. Только память.

Николай Александрович подошёл ближе и подставил плечо разрыдавшемуся в голос Леониду.

Филипп Филиппович сидел в углу белоснежной комнаты – тюрьмы. Не выдержав ужасающих реалий прошлой жизни, его мозг решил построить собственный мир, в котором не будет сгоревшей квартиры и смерти родных людей. Этот мир предстал перед ним в виде изолированной коробки. Он терпеливо ждал прихода своего сына, не подозревая, что Леонид стоял перед ним.

Ужасный треск старых досок остался где-то позади, как и панический страх вперемишку со строгим приказом «Не шевелиться». Филипп Филиппович боялся открыть глаза и увидеть последствия огненной атаки, хотя прекрасно знал, что невидимый уборщик уже сделал своё дело и всё вокруг вновь сияет, как и раньше. Он чувствовал мягкое теп-

ло от плюшевой игрушки на груди, которую был не в силах выпустить из рук.

Проверив, не повреждена ли она, он вздохнул с облегчением.

«Всё закончилось, мой малыш. Мы спасены».

Поставив розового зайца на тумбочку, он, наконец, открыл глаза и удостоверился в своих ожиданиях.

«Всё будет хорошо, малыш. Не переживай, мой сын скоро придёт за нами».

При создании обложки использована фотография с <https://pixabay.com/ru/illustrations/%D1%82%D0%BE%D0%BB%D1%8C%D0%BA%D0%BE-%D0%B2-%D0%BE%D0%B4%D0%B8%D0%BD%D0%BE%D1%87%D0%BA%D1%83-%D1%81%D1%82%D0%B0%D1%80%D1%8B%D0%B9-%D0%B2%D0%BE%D0%B7%D1%80%D0%B0%D1%81%D1%82-73402/>